

5 реальных историй от людей, которые пережили клиническую смерть.

Пережившие клиническую смерть рассказывают, что видели свет в конце туннеля, прощались с родственниками, смотрели на свое тело со стороны и испытывали ощущение полета. Ученые не могут понять этого, ведь мозг практически в этом состоянии полностью прекращает свою работу вскоре после остановки сердца. Отсюда следует, что в состоянии клинической смерти человек в принципе ничего не может чувствовать или переживать. Но люди чувствуют. Собрали истории людей, переживших клиническую смерть. Имена изменены.

РОМАН

— Несколько лет назад мне поставили диагноз «гипертония» и положили в больницу. Лечение было мутным и состояло из уколов, систем и разнообразных анализов, вторую же половину дня делать было особо нечего. В четырехместной палате нас было двое, врачи говорят, что летом вообще обычно пациентов меньше. Я познакомился с коллегой по несчастью, и оказалось, что у нас с ним много общего: почти ровесники, оба любим ковырять электронику, я менеджер, а он снабженец — в общем поговорить было о чем.

Беда пришла внезапно. Как он мне потом рассказывал: «Ты говорил, потом замолчал, глаза стеклянные, сделал 3-4 шага и упал». Очнулся я через три дня в интенсивной терапии. Что я помню? Да ничего! Вообще ничего! Очнулся, очень удивившись: всюду трубки, плачет что-то. Мне сказали, что мне повезло, что всё было в больнице, сердце не билось три минуты примерно. Оправился я быстро — за месяц. Живу обычной жизнью, слежу за здоровьем. Но я не видел ни ангелов, ни туннеля, ни света. Вообще ничего. Мой личный вывод: вранье это всё. Умер — и

ничего дальше нет.

Анна

– Моя клиническая смерть наступила во время беременности 8 января 1989 года. Около 22:00 у меня началось обильное кровотечение. Боли не было, только сильная слабость и озноб. Я поняла, что умираю.

В операционной ко мне подключили разные приборы, и анестезиолог начал вслух зачитывать их показания. Вскоре я начала задыхаться, и услышала слова врача: «Теряю контакт с пациенткой, не чувствую ее пульса, надо спасти ребенка». Голоса окружающих стали затихать, их лица расплывались, потом наступила темнота.

Я снова очутилась в операционной. Но теперь мне стало хорошо, легко. Врачи суетились вокруг тела, лежащего на столе. Приблизилась к нему. Это лежала я. Мое раздвоение меня потрясло. И даже могла парить в воздухе. Я подплыла к окну. На улице было темно, и вдруг меня охватила паника, я почувствовала, что непременно должна привлечь к себе внимание врачей. Я стала кричать, что я уже выздоровела и что со мной – с той – больше не надо ничего делать. Но они меня не видели и

не слышали. От напряжения я устала и, поднявшись выше, зависла в воздухе.

Под потолком возник сияющий белый луч. Он опускался ко мне, не слепя и не обжигая. Я поняла, что луч зовет к себе, обещает освобождение от изоляции. Не раздумывая, направилась ему навстречу.

Я передвигалась вдоль луча, будто к вершине невидимой горы, чувствуя себя в полной безопасности. Достигнув вершины, увидела чудесную страну, гармонию ярких и в то же время почти прозрачных красок, сверкавших вокруг. Это невозможно описать словами. Я во все глаза смотрела по сторонам, и все, что находилось вокруг, наполняло меня таким восхищением, что я крикнула: «Боже, какая красота! Я должна написать все это». Меня охватило горячее желание возвратиться в мою прежнюю реальность и отобразить на картинах все, что здесь увидела.

Doctors using a defibrillator to resuscitate a male heart attack victim.

Подумав об этом, я снова очутилась в операционной. Но на этот раз смотрела на нее как бы со стороны, словно на экран

кинотеатра. И кино казалось черно-белым. Контраст с красочными пейзажами чудесной страны был разительным, и я решила снова перенестись туда. Чувство очарования и восхищения не проходило. А в голове то и дело возникал вопрос: «Так жива я или нет?» И еще я опасалась, что если зайду слишком далеко в этот неведомый мир, то возврата уже не будет. И в то же время очень не хотелось расставаться с таким чудом.

Мы приближались к огромному облаку розового тумана, мне захотелось оказаться внутри него. Но Дух остановил меня. «Не лети туда, это опасно!» – предостерег он. Мне вдруг стало тревожно, я почувствовала некую угрозу и решила вернуться в свое тело. И очутилась в длинном темном туннеле. Летела по нему одна, Пресветлого Духа рядом уже не было.

Артем

– Свое тело со стороны во время смерти не видел. И очень сожалею об этом.

Сначала был просто резкий преломляющий свет, через секунды он пропал. Невозможно было дышать, я паниковал. Я понял, что умер. Никакого умиротворения не было. Только паника. Потом необходимость дышать будто бы пропала, и эта паника начала проходить. После начались какие-то странные воспоминания о том, что вроде бы раньше было, но немного видоизмененные. Что-то вроде ощущения, что это было, но не совсем с тобой. Как будто я летел вниз по какому-то пространству и смотрел слайды. Всё это вызывало эффект дежавю. В конце концов, снова вернулось ощущение невозможности дышать, горло чем-то сжимало. Потом стал ощущать, будто бы я расширяюсь. После уже открыл глаза, в рот было что-то вставлено, суетились реаниматологи. Сильно тошнило, болела голова. Ощущения от оживления были крайне неприятные. В состоянии клинической смерти был около 6 минут 14 секунд. Идиотом вроде бы не стал, никаких дополнительных способностей не открыл, а наоборот, временно утратил ходьбу и нормальное дыхание, а также способность кататься на бэме, потом всё это долго восстанавливал.

Александр

– Я пережил состояние клинической смерти, когда учился в Рязанском десантном училище. Мой взвод участвовал в соревнованиях разведывательных групп. Это 3-дневный марафон на выживание с запредельными физическими нагрузками, который заканчивается 10-километровым марш-броском в полной выкладке. К этому последнему этапу я подошел не в лучшей форме: накануне распорол стопу какой-то корягой при переправе через реку, мы были постоянно в движении, нога сильно болела, повязка слетала, кровотечение возобновлялось, меня лихорадило. Но я пробежал почти все 10 км, причем как это сделал, до сих пор не понимаю, да и плохо помню. За несколько сот метров до финиша я отключился, и меня принесли туда товарищи на руках (участие в соревнованиях мне, кстати, засчитали). Врач поставил диагноз «острая сердечная недостаточность» и начал меня оживлять. О том периоде, когда я находился в состоянии клинической смерти, у меня такие воспоминания: я не только слышал, что говорили

окружающие, но и наблюдал со стороны за происходившим. Я видел, как мне что-то вкололи в область сердца, видел, как для моего оживления использовали дефибриллятор. Причем в моем сознании картинка была такой: мое тело и врачи находятся на поле стадиона, а на трибунах сидят мои близкие и наблюдают за происходившим. Кроме того, мне казалось, что я могу контролировать процесс реанимации. Был момент, когда мне надоело валяться, и я тут же услышал, как врач сказал, что у меня появился пульс. Потом подумал: вот сейчас будет общее построение, все будут напрягаться, а я вот всех обманул и могу полежать – и врач закричал, что у меня опять остановилось сердце. В конце концов я решил вернуться. Добавлю, что не испытывал страха, когда смотрел, как меня оживляют, и вообще, не относился к этой ситуации как к вопросу жизни и смерти. Мне казалось, что все в порядке, жизнь идет своим чередом.

Вилли

Во время боев в Афганистане взвод Вилли Мельникова попал под минометный обстрел. Он один из тридцати остался жив, но был тяжело контужен. 25 минут находился без сознания, около восьми минут его сердце не работало. В каких мирах он побывал? Что почувствовал? Никаких ангелов и чертей Вилли Мельников не видел. Все было настолько фантастично, что сложно описать.

Вилли Мельников: «Я двигался в толще бездонно-бескрайней какой-то сути, материи, сравнимой с Солярисом Станислава Лема. И вот внутри этого Соляриса я передвигался, сохраняя себя как такового, но в то же время ощущал себя частью всего этого. И слышал какие-то языки, неслыханные мной до того. Не то чтобы они слышались, исходили оттуда – они именно жили там, и я имел возможность дышать ими».

Он продолжал путешествие и добрался до насыпи невообразимой высоты. За ней простиралось пространство неопишуемой глубины. Был велик соблазн сорваться вниз, но Вилли удержался. Здесь он встретил странных существ, которые постоянно видоизменялись.

«Это был некий симбиоз растительной, животной, архитектурной и, может быть, какой-то еще полевой формы жизни. И благожелательство, и приветливость, такое доброе приглашение, которое исходило от этих существ».

Как и многие другие люди, оказавшиеся в состоянии клинической смерти, Вилли Мельников не хотел возвращаться. Однако, вернувшись, 23-летний парень понял, что стал другим человеком.

Вилли Мельников сегодня говорит на 140 языках, в том числе исчезнувших. До того как пережил клиническую смерть, он знал семь. Полиглотом он стал не в одночасье. Признается, что всегда любил изучать иностранную речь. Но очень удивился, когда в первые послевоенные годы необъяснимым образом вспомнил пять мертвых языков.

«Удивительно, что ко мне “пришли” довольно экзотические языки коренных обитателей Филиппин и индейцев обеих Америк. Но остаются еще два, которые я до сих пор не идентифицировал. Я могу на них говорить, писать, думать, но что они такое и откуда, я не знаю до сих пор»...

[Источник ЖУТКОЕ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, ЖИЗНЬ.](#)

0

Пожалуйста, оставьте отзыв об этом [X](#)